

(12 номеров). Это собрание имеет не только научную, но и эстетическую ценность, так как большинство текстов отличается высокой художественностью и поэтичностью. Во вступительной статье отмечаются существенные изменения, произошедшие в отношении исполнителей к заговорам, и верно определяются причины, ведущие к их исчезновению. Нельзя не согласиться с автором в том, что «утрата веры в магическую силу слова и действия, прекращение передачи „слов“ молодому поколению, исчезновение из крестьянского быта знахарства и колдовства обусловили угасание утилитарной функции заговора, а вместе с ней и самого заговора как особого фольклорного жанра на Пинеге... Заговор прикреплен к повседневному быту. Поэтому вместе с изменением форм повседневного быта пинежан отпадает и необходимость в „повседневном“ („на всякий случай“) заговоре» (с. 167). В примечаниях содержатся ценные наблюдения о поэтике жанра, в частности об устойчивости и распространенности отдельных формул и мотивов, о вариативности текстов. Весь раздел может служить хорошим фундаментом для дальнейших исследований этого интересного жанра.

В заключение несколько общих соображений о сборнике в целом. У сборника, созданного на основе студенческих экспедиций, есть безусловное преимущество перед сборниками, издаваемыми научными учреждениями, — это массовый полевой материал. Многочисленные записи одних и тех же текстов, многократно повторяющиеся выезды в одни и те же районы позволяют выявить наиболее типичные и полные варианты, с большей достоверностью судить о репертуаре. Несмотря на ряд замечаний, часто продиктованных интересами этнографов, на которые, вероятно, легко возразить (поставленные задачи, объем и т. д.), необходимо подчеркнуть, что сборник получился содержательным. Он воспринимается целостно и выдержан в едином стиле, что особенно важно и сложно при участии многих авторов, индивидуальная манера которых вместе с тем не пострадала. Высокий научно-профессиональный уровень всех публикуемых материалов свидетельствует о больших возможностях студенческой научной работы и позволяет говорить о ней без всяких скидок. Для всех исследователей и любителей русского фольклора выход сборника «Обрядовая поэзия Пинежья» — примечательное событие. Можно только радоваться, что после длительного перерыва филологический факультет МГУ возобновил издания такого рода.

Т. С. Макашина

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

G. Duby. Le chevalier, la femme et le prêtre. Le mariage dans la France féodale. Paris: Hachette, 1981. 318 p.

Характерная особенность подхода Жоржа Дюби к семейно-брачным отношениям — стремление рассмотреть их как органический элемент общественной системы в целом. Реализуя этот замысел, Дюби анализирует свой предмет в нескольких различных ракурсах. На первом плане — исследование взаимосвязи семейно-брачных отношений с политическими, социальными, экономическими и идеологическими условиями в течение ключевых — с точки зрения становления брака — этапов средневековья. К таким этапам Дюби относит, во-первых, каролингское время, когда христианские богословы на Западе отказываются от негативной оценки семейно-брачных отношений и начинают трактовать брак как не только допустимый, но и желательный для мирян институт; во-вторых, XI в., в течение которого на Западе формируются две противостоящие друг другу модели брака — церковная и светская; в-третьих, рубеж XI—XII вв., когда противоборство воззрений, отразившихся в этих двух моделях, становится особенно острым; в-четвертых — XII в., на протяжении которого, как полагает Дюби, происходило постепенное сближение и слияние этих двух комплексов воззрений¹. В конце XII — начале XIII в. институт брака, по мнению Дюби, приобрел на Западе черты, предвосхищающие основные его особенности в новое и новейшее время. Соответственно история семейно-брачных отношений в IX — начале XIII в. трактуется Дюби как история возникновения современных форм семьи и брака.

При рассмотрении семейно-брачных отношений на нескольких последовательных хронологических срезах Дюби совмещает структурный подход к браку как к элементу сменяющих друг друга социальных систем с его генетическим исследованием. Это позволяет сочетать изучение семейно-брачных отношений IX—XIII вв. в их статике — на каждом из выделяемых Дюби этапов — и в их динамике — в течение периода в целом. Два названных плана анализа брака как социального явления дополняются в книге двумя другими. Один из них — исследование *представлений* о браке, присущих в тот или иной момент различным социальным группам, другой — сопоставление этих представлений с социальной практикой. Подобный историко-культурный анализ в некоторых разделах книги занимает едва ли не центральное место. Он служит не только раскрытию основной темы, но используется и для освещения более общей проблемы,

¹ Автор опирается преимущественно на французские источники. Однако в центре его внимания не специфика французских форм брака, но общие для Западной Европы феномены, которые с особой отчетливостью отразились как раз в материалах французского происхождения.

занимающей Дюби на протяжении ряда лет,— проблемы соотношения материального и идеального в истории².

Многoplanовость рецензируемой работы — лишь одна из ее важных особенностей. Другая не менее привлекательная ее черта — исключительная насыщенность конкретно-историческим, в том числе и «событийным», материалом. Об этом следует сказать особо, потому что для так называемой «новой исторической науки» — влиятельного направления в современной западноевропейской историографии, одним из наиболее авторитетных представителей которой Дюби является³, долгое время было типично подчеркнутое пренебрежение событийной историей. В рецензируемой работе уделяется такое внимание обстоятельствам воцарения отдельных королей или герцогов, условиям их браков и разводов, выбору брачных партий для их отпрысков, столкновениям по этим вопросам между светской властью и церковью, что о подобном пренебрежении в данном случае говорить не приходится. Это не означает какого бы то ни было возврата к событийному повествованию «в манере старых историков» (с. 22). Для этих последних история общества начиналась и кончалась деяниями тех или иных властителей. Для Дюби эти деяния — не более чем проявление неких подспудных социальных процессов, формирующих как личность самих властителей, так и поведение их подданных. Тем не менее самое использование Дюби конкретных событий для реконструкции социальных процессов весьма симптоматично. Оно отражает определенные изменения в методике и методологии «новой исторической науки». Крен в сторону крайней социологизации исторического исследования, присущий этому направлению в прошлом, ныне, по-видимому, преодолевается. Отсюда не следует, что ослабевают интерес к социальным процессам и структурам: они остаются важнейшими объектами анализа. Но приемы их исследования усложняются и расширяются. Для их воспроизведения используются теперь не только массовидные данные, но и единичные свидетельства событийного плана. Событие, рассматриваемое как эпифеномен исторического процесса, все чаще привлекает пристальное внимание.

Отношение к событийной истории в известной степени определяет характер изложения и самое построение рецензируемой книги. Она начинается с подробного анализа десятилетней борьбы между французским королем Филиппом I (1060—1108 гг.) и южнофранцузским епископством (поддержанным папской курией) из-за попытки короля развестись со своей первой женой и вступить в новый брак. Исследуя обстоятельства этой борьбы и ее исход (король был вынужден формально отказаться от повторного брака), Дюби воспроизводит воззрения на брак, секс, семью и женщину, характерные на рубеже XI—XII вв., с одной стороны, для светской аристократии, с другой — для богословской элиты. Отправной точкой всего исследования оказывается, таким образом, не начало и не конец, но середина рассматриваемого в книге исторического периода, когда противостоящие модели брака — светская и церковная — достигли своей полной кристаллизации. После такой экспозиции автор возвращается хронологически назад — в первые столетия средневековья — и последовательно прослеживает все важнейшие хронологические этапы в становлении брака вплоть до начала XIII в.

Особый интерес в книге вызывают разделы, где делается попытка выявить взаимосвязь семейно-брачных форм с социальной системой. В одном из них автор задается целью объяснить отсутствие вплоть до конца XI в. единобрачия в среде светской знати и рыцарства, где кроме законной супруги считалось тогда нормальным иметь одну или нескольких официальных конкубин — сожительниц; законный брак не признавался нерасторжимым; мужчина нередко пользовался по отношению к супруге правом *repudium* (отказа). Целью подобного развода всегда был новый брак (осуществлявшийся нередко в результате похищения новой жены).

Чтобы понять, чем обуславливалось упорное сопротивление аристократии принципу единобрачия, Дюби изучает конкретные обстоятельства разводов и новых браков, исследует соотношение полов детей в каждом из них, социальный и имущественный статус брачащихся, высказанные (и невысказанные) мотивы матримониальных акций. Ближайшей причиной большинства разводов и новых браков выступает, по мнению автора книги, стремление мужчин обзавестись наследниками — мальчиками, прижитыми от жен возможно более знатного происхождения. Корни этого стремления, овладевшего в IX—X вв. всей аристократией, Дюби усматривает прежде всего в массовых социально-культурных представлениях. Согласно этим последним, социальные градации в рыцарской среде определялись индивидуальными достоинствами, в первую очередь доблестью, мужеством, широтой натуры. Все они считались врожденными качествами, передавшимися детям от отца и матери. Чем выше была знатность каждого из родителей, тем выше могли быть достоинства сыновей и их шансы на удачу в жизни. Исходя из этих представлений, всякий рыцарь, мечтавший укрепить свой род и обеспечить ему славное будущее, *должен* был стремиться к браку с возможно более знатной женщиной, причем такой, которая рождала бы мальчиков — продолжателей рода. Отсутствие среди потомства мальчиков побуждало к разводу и повторному браку. Стимулом к разводу было и появление возможности вступить в брак с более знатной женщиной.

² См. *Duby G. Les trois ordres ou l'imaginaire du féodalisme*. P., 1978 (см. нашу рецензию на эту книгу в «Вопросах истории», 1981, № 1); *Duby G., Lardreau G. Dialogues*. P., 1980; *Duby G. Le mental et le fonctionnement des sciences humaines*.—L'Arc. P., 1978, № 72.

³ Особенно рельефно многие черты этого направления воплощены в статьях, публикуемых парижским журналом «*Annales. Economies — Sociétés — Civilisations*»; см. также: *La nouvelle histoire/Sous la direction de J. Le Goff. et autres*, P., 1978.

Дюби далек от того, чтобы рассматривать эти социально-культурные представления как главную движущую силу в матримониальном поведении знати (поискм подобных движущих сил в формировании семейно-брачных отношений — как и в социальном развитии в целом — он вообще не придает слишком большого значения; об этом см. ниже). Мотивы сопротивления знати IX—XI вв. принципу единобрачия рассматриваются Дюби как психологическая форма, в которой сами современники осмысливали свое поведение. Складывалось же оно, по мнению Дюби, вследствие взаимодействия многих импульсов, порождавшихся как ментальной, так и политической и социально-экономической структурами (здесь и борьба аристократических родов за политическое верховенство внутри графств и герцогств, и их заинтересованность в приближении к королю, и их стремление к овладению богатыми владениями знатных родственников, и забота о наследственных достоинствах потомков).

В еще более широком социально-структурном контексте осмысливается в книге постепенное признание светской аристократией XII—XIII вв. моногамного церковного брака. Как констатирует Дюби, в течение XII в. исчезают обстоятельства, препятствовавшие до этого времени вступлению в брак младших отпрысков рыцарства. Суть этих обстоятельств, складывавшихся еще с X в., может быть понята, на взгляд Дюби, лишь в связи с «феодалной революцией конца IX — начала XI в.», приведшей к победе «сеньориального способа производства»⁴. Окончательное превращение в это время аристократических родов в крупных земельных собственников, их умножение, укрепление патримониальной власти глав этих родов, исчерпание фонда феодализованных земель — все это сделало, с точки зрения Дюби, необходимым (и возможным) пресечение дальнейшего дробления родовых владений знати. Путь к сохранению целостности земельных достояний был найден в ограничении браков младших сыновей знати (при исключении земли из состава приданого дочерей, не считая случаев, когда они оказывались единственными наследницами). Лишенные возможности обзавестись семьей в отчем краю, молодые неженатые рыцари становятся с XI в. наиболее агрессивной прослойкой в составе господствующего класса. Именно они активнее всего участвуют в крестовых походах на Восток и в политических авантюрах внутри собственной страны. Эти же «молодые», лишенные надежд на «законный брак», были самыми упорными противниками церковной реформы семейно-брачных отношений и особенно прочно держались за традиционные «умыкания», за *matrimonium danico more* («брак по датскому — норманскому — обычаю») в форме конкубината, за меньшую регламентацию брачных связей вообще.

Ситуация в корне изменяется, по мнению Дюби, в XII в. Рост городов, торговли, товарно-денежных отношений, появление рентных фьефов (т. е. фьефов не в виде земельных владений, а в виде денежной или продуктовой ренты с какой-либо статьи дохода, например в виде права сбора торговых пошлин, винной или мельничной монополии, платежей горожан и т. п.) существенно расширили экономические ресурсы господствующего класса. Такое же значение имели широкая внутренняя колонизация XII в. и демографический рост крестьянства, позволившие создать новые сеньории. Свою роль сыграло и усиление королевской власти, использовавшей часть рыцарства в своих политических интересах и обеспечивавшей его должностями, рентами и пожалованиями. В результате исчезла необходимость ограничивать браки «молодых». Доля рыцарей, лишенных материальных возможностей обзавестись собственным домом и семьей, резко сократилась. Увеличилось число «законных браков», вырос их авторитет. Рыцарским идеалам доблести и геройства стало все чаще противопоставляться стремление к имущественной обеспеченности. Знатность жены стала казаться не более важной, чем ее богатство, стремление к сохранению прав на которое подчас препятствовало и расторжению брака. Частота разводов уменьшилась. В этот же период церковь добивается причисления брака к основным христианским таинствам, обязательного участия священника в его оформлении и соответствующего изменения свадебного ритуала. Этот ритуал теперь начинается с проверки священником гражданского состояния брачующихся — не родственники ли они, холосты ли они; в него включается публичное подтверждение сторонами согласия на брак, торжественная месса и благословение новобрачных в церкви. Показательно, однако, что часть свадебной процедуры ее оставалась за стенами церкви: завершением свадебного ритуала считалось благословение священником и отцом жениха постели новобрачных.

Таким образом, победа в XII—XIII вв. церковного брака выступает в книге Дюби как неотъемлемый элемент общей перестройки экономических, политических и идеологических отношений⁵. Изучение семьи и брака оказывается составной частью исследования всей общественной системы.

Несмотря на широту этого подхода, выводы, к которым приходит Дюби в своей книге, отличаются известной неопределенностью. Читатель напрасно искал бы например, заключений, касающихся иерархии тех факторов, которые обусловили становление новой формы брака. Причинные связи явлений, рассматриваемых Дюби, оказываются

⁴ Подробнее о содержании, которое Дюби вкладывает в понятия «феодалная революция» и «сеньориальный способ производства», см.: *Бессмертный Ю. Л., Гуревич А. Я.* Некоторые проблемы изучения общественного сознания средневековья в современной зарубежной медиевистике. — В кн.: *Культура и общество в средние века: методология и методика зарубежных исследований.* М.: ИНИОН АН СССР, 1982, с. 25 сл.

⁵ Говоря о связи новой концепции брака с идеологией XI—XIII вв., Дюби особенно подробно останавливается на месте этой концепции в тройственных моделях социальной структуры.

подчас до такой степени многосторонними и многозначными, что самая возможность их каузального объяснения представляется невозможной.

Здесь несомненно сказывается определенная установка автора. Так, формулируя свою основную задачу, Дюби пишет, что предпринимаемый критический анализ текстов «позволяет должным образом поставить вопрос, который мне важен: как (подчеркнуто мною.— Ю. Б.) вступали в брак 800—900 лет тому назад в христианизируемой Европе» (с. 23). Именно вопрос «как» в центре внимания автора. Это не значит, что Дюби вовсе не интересуется вопросом «почему». Но его познавательное значение, на взгляд автора, гораздо меньше. Связано это с тем, что, как говорит Дюби в другой своей работе, ему не импонирует постановка проблемы по схеме «X влияет на Y», предполагающая существование некоей «конечной причины причин»; он предпочитает этому констатацию «корреляции между X и Y», при которой «все определяется всем»⁶.

Можно вполне согласиться с Дюби в его критическом отношении к плоскому детерминизму, сводящему объяснение всего сущего к одной единственной «причине причин», но разве не в той же мере заслуживает критики противоположная крайность, игнорирующая гносеологическую роль каузальности? Ответ на этот вопрос содержит фактически сама рецензируемая книга. Избегая эксплицитного формулирования причинных зависимостей, Дюби имплицитно их определяет. Примером тому — воспроизведенный выше очерк Дюби, касающийся эволюции семейно-брачных отношений рыцарства в X—XII вв. Исходный пункт этой эволюции выступает в книге Дюби как прямое следствие утверждения в стране «сеньориального способа производства». Конечный ее пункт выглядит столь же тесно связанным с социально-экономическим и политическим подъемом XII в. Тот факт, что приоритет этих связей прямо не обозначается, вряд ли мешает вдумчивому читателю заметить его. Зато отсутствие эксплицитного вывода создает — помимо желания автора — почву для неверного истолкования его суждений, и в частности их упрощения. Ведь то, например, объяснение изменений в семейно-брачных отношениях, которое, как только что было отмечено, подспудно звучит в книге Дюби и которое предполагает довольно-таки прямолинейное их выведение из социально-экономических и политических изменений, вряд ли осталось бы без оговорок и уточнений самого автора, будь оно более отчетливо им сформулировано.

Думается, что попытка предпочесть казуальному объяснению исторических феноменов «корреляционное» не продуктивна и по самой своей сути. Эти два способа объяснения вообще не противостоят друг другу. Ибо констатировать корреляцию между X и Y — это значит определить, *насколько* изменение одной из этих переменных зависит от изменения другой. Мы возвращаемся, следовательно, все к той же причинности, только взятой более широко и комплексно, с учетом неизбежного пересечения в историческом поле одновременно многих причинных зависимостей.

В краткой рецензии трудно остановиться на всех проблемах, поднимаемых новой книгой маститого французского исследователя. Упомянем лишь одну из них — связь в изменении форм брака и форм семьи. В своей последней работе, как и в некоторых предыдущих, Дюби исходит из господства в течение всего рассматриваемого им периода IX—XIII вв. малой «нуклеарной» семьи (т. е. семьи из родителей и их несовершеннолетних и неженатых детей). Ее стабильность как бы противопоставлена в построении Дюби глубокой изменчивости брачных форм. Это противопоставление стабильности форм семьи нестабильности форм брака представляется недостаточно аргументированным. Как показали исследования последних лет, в крестьянской среде малая семья ни в IX в., ни в последующие столетия не была господствующей: большая (если не большая) часть крестьян продолжала жить многосемейными сообществами⁷. Трудami самого Дюби показано сохранение так называемой «расширенной» семьи и в составе рыцарства X—XI вв.⁸ Сужение состава семьи и возобладание ее «малой» формы приходится как раз на XII в.⁹, т. е. на период, в течение которого побеждает и новая модель брака. Не следует ли отсюда, что победа новой формы брака была до некоторой степени обусловлена окончательным утверждением малой семьи? Если бы это предположение оказалось верным, можно было бы констатировать определенный параллелизм в развитии форм семьи и брака. Утверждение церковной модели брака выступало бы в этом случае связанным с социально-экономической и политической эволюцией не напрямую (как это фактически получается в рецензируемой книге), но через посредство изменений в форме семьи, изменений, воплощающих в себе действительно очень сложную гамму социальных процессов.

Ю. Л. Бессмертный

⁶ Duby G., Lardreau G. Op. cit., p. 140—141.

⁷ См. нашу статью «К демографическому изучению французской деревни IX в.» (Сов. этнография, 1981, № 2) и указанную в ней библиографию; см. также: Chapelot J., Fossier R. Le village et la maison au Moyen Age. P., 1980, p. 222—227.

⁸ Дюби Ж. Структуры семьи в Западном средневековье. М.: Наука, 1970.

⁹ Fossier R. Enfance de l'Europe. Aspects économiques et sociaux. P., 1982, p. 910—913.